

Юлия Язикова

Семантика слова в художественном контексте : слово "чистый" в повести М. Горького "Трое"

Studia Rossica Posnaniensia 6, 111-118

1974

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ЮЛИЯ ЯЗИКОВА

Горький

СЕМАНТИКА СЛОВА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ КОНТЕКСТЕ

(слово *чистый* в повести М. Горького *Трое*)

„Поэтический язык не существует без прочных корней в языке реальной действительности”¹, но, с другой стороны, „язык со своими прямыми значениями как бы весь опрокинут в тему и идею художественного замысла”². Иными словами, „нет такого факта поэтического языка, каковой факт не был бы известен и вне поэтического языка как явление языка вообще. Но в этом новом, поэтическом качестве каждая языковая дата приобретает новые свойства”³. По мнению Г. О. Винокура, „установлением конечных значений, просвечивающих через прямые в поэтическом языке”, не может заниматься лингвистика — „это задача толкования поэзии”⁴, однако это не мешает нам выяснять, какие именно стороны художественного текста влияют на появление” поэтических значений” и их своеобразие.

Обратимся к художественной прозе М. Горького. Предметом нашего анализа послужит слово *чистый* в повести М. Горького *Трое*⁵.

В общенародном языке это слово принадлежит к числу сложных семантически (словари общенародного языка выделяют от 8 до 16 значений), причем семантический диапазон очень широк: от исходно-номинативного „незагрязненный, незапачканный” до переносных „нравственно безупречный”, „полный, совершенный”, „подлинный, настоящий”.

В повести М. Горького сочетаемость этого слова невелика: наиболее частые определяемые — *жизнь* (около трети всех фактов представляет словосочетание „чистая жизнь”), обобщенные наименования человека (*человек*,

---

¹ Г. О. Винокур, *Об изучении языка литературных произведений*. В его книге: *Избранные работы по русскому языку*, Москва 1959, стр. 245.

² Там же, стр. 247.

³ Г. О. Винокур, *О понятии поэтического языка*. Там же, стр. 391. Эти же идеи развивал Ян Мукашовский, ср. J. Mukařovský, *Dvě studie o básnickém pojmenování*. В его книге: *Kapitoly z české poetiky*, t. I, Praha 1948.

⁴ Г. О. Винокур, *Об изучении языка литературных произведений*, указ. соч., стр. 247.

⁵ При анализе прилагательного мы объединяем с ним не только формы с суффиксом *-еньк-*, но и наречия, как полуграмматический вариант прилагательного, а также существительное *чистота*, обозначающее то же качество, но в опредмеченной форме.

женщина), названия помещений, одежды и некоторые другие. Все словосочетания, состоящие из определяемого слова и определения **чистый**, типичны для общенародного языка.

С точки зрения семантической в слове выделяются две группы значений: при описании окружающей обстановки **чистый** употребляется в исходно-номинативных значениях „не загрязненный”, „содержащийся в опрятности”. В сочетании со словами, называющими людей, **чистый** либо имеет значение „опрятный, чистоплотный”, не зафиксированное общенародными словарями, хотя и употребляемое в языке как метонимическое, либо служит для морально-этической характеристики в значениях „непорочный, высоконравственный”, „нравственно безупречный, правдивый, честный”, описанных толковыми словарями. Отличием от общенародного употребления этого прилагательного при описании людей является то, что в повести *Трое*, как правило, подчеркивается связь между исходно-номинативными и переносно-оценочными значениями. Наиболее сложна семантика данного прилагательного в соединении со словом **жизнь**. Сочетаясь с абстрактным существительным с очень общим значением, прилагательное также получает обобщающее значение, причем в разных местах повести оно разное, о чем говорят уточняющие семантику определения слова, например: „чистая, спокойная, независимая жизнь” (76) ⁶, „настоящая чистая жизнь” (195), „порядочная жизнь, чистая” (285), „чистая, мещански приличная, удобная жизнь” (212) и другие. Семантическое наполнение прилагательного раскрывается не только при помощи синонимизированных слов. Этой цели может служить противопоставление: „Он сразу перестроил бы свою беспокойную, темную жизнь на жизнь чистую, которая текла бы вдали от людей, в покойном одиночестве ...” (114). Очень важную роль в раскрытии семантики прилагательного играет учет синонимической ситуации ⁷. Так вместо **чистого** в качестве определения при слове **жизнь** выступает **настоящий**, причем и в этом случае словосочетание выражает этический идеал героя. Аналогичную роль играет глагол **жить** с определяющими обстоятельствами: „надо жить одному, чисто, тихо” (88), „как жить, чтобы все было чисто, чтобы меня никто не задевал и сам я никого не трогал?” (154) „он просто хочет жить чисто, спокойно и чтобы люди уважали его” (128), „всякому хочется жить чисто, весело” (229), „он тоже теперь будет жить, как давно желал, — в покое, в чистоте” (124). Именно эти вспомогательные средства показывают нам, что значение **чистого** не остается неизменным, но во всех случаях сохраняется эмоциональное тождество слова — оно выступает с поло-

⁶ Здесь и далее цитируем по *Собранию сочинений* М. Горького в 30 томах, (т. 5, Москва 1950). В скобках указываем страницу, сокращения в тексте отмечаем знаком —. В цитатах-иллюстрациях сохраняем орфографию настоящего издания.

⁷ Это понятие раскрывается в статье Т. Г. Винокур, *Синонимия и контекст*. В сб.: *Вопросы культуры речи*, вып. 5, Москва 1964.

жительной окраской. Поэтому мы можем предположить, что происходит частичная десемантизация слова, при которой, несмотря на изменение семантических компонентов, сохраняется известное единство значения. Подобная черта слова **чистый** не отмечается словорями и несет на себе отпечаток индивидуальности, причем это своеобразие обусловлено во многом содержанием повести и особенностями ее повествовательной структуры.

Как это типично для манеры М. Горького, образ рассказчика сближается, а временами сливается с одним из персонажей, в данном случае — Ильей Луневым. Поэтому в повести выделяется один главный герой, а не трое, как можно ожидать по заглавию. Речь Ильи некоторыми своими чертами сближается с авторской и противостоит речи других персонажей. Свообразие употребления слова **чистый** в повести порождено образом Ильи, его жизненным опытом, его устремлениями и идеалами. Уже в самом начале повести мы видим особое отношение героя к чистоте. Нужда гонит Луновых в город на заработки. Они ждут перевоза, а Илья беспокоится: „Пустят ли их туда, в этот **чистый**, богатый, блестящий золотом, огромный город? Он подумал, что их телега потому стоит здесь, на берегу реки, что в город не дускают людей бедных”. (12). В сознании десятилетнего Ильи чистота связана с богатством. Жизнь в городе закрепляет эту связь: Лунывы живут в убогом доме на окраине города, среди грязи и нищеты, Илья вместе со стариком старьевщиком целые дни проводит на свалке — чистая одежда и жилище, даже **чистый** воздух недоступны беднякам. Едва ли не главным злом на земле Илье представляется грязь: грязный трактир, где дядя моет посуду, грязный дом, где они живут. Он думает, что стоит уйти из этого дома, где творятся подлости и царит жестокость, — и начнется новая, светлая жизнь. Чистота в его сознании прочно ассоциируется с достойной жизнью и главным ее условием — богатством. И каждый его шаг прочь из ненавистного мира, каждая ступенька, по которой он поднимается вверх со дна жизни, воспринимается им как движение из грязи в чистоту. Даже знакомство с продажными женщинами, из-за чистоты⁸ их одежды и жилища, не способно разорвать прочно устоявшуюся связь. Так возникает употребление слова **чистый**, резко противоречащее узуальному. Застав у Олимпиады старика содержателя, Илья пристально его рассматривает: „Так вот кто делит с ним ласки этой **чистой**, крепкой женщины” (115)⁹. Обычно в языке Горького конкретное прилагательное, сочетаясь с существительными типа **человек**, **женщина**, приобретает обобщенно-оценочное значение. Отсутствие такого изменения семантики прилагательного нетипично для языка писателя и обусловлено образом персо-

⁸ Ниже мы увидим, что сближение это неполно, и говорить о слиянии нельзя.

⁹ Несколько выше Олимпиада названа „чисто одетой женщиной” (108). Кроме того, опрятность этой женщины подчеркивается неоднократно: „Ему нравилась в ней бережливость, любовь к *чистоте*” /109/, „Розовая от холодной воды, *чистая*, крепкая и спокойная” /109/.

нажа. Следует сказать, что в других случаях слово **чистый**, сочетаясь с подобными существительными, получает по преимуществу морально-этическое оценочное значение: „Яков был хороший человек, добрый, тихий, **чистый**” (96), „На него обратила внимание настоящая женщина — **чистая**, образованная, мужняя жена” (194).

Но представление о чистоте изменяется, приобретая все более характер этической оценки. Так, побывав у следователя, увидев хотя бы краем глаза уютную семейную жизнь, Илья иными глазами смотрит на Олимпиаду: „Я знаю — для нашего брата **чистых** да безгрешных женщин не приготовлено ... нам они дороги. На них ведь жениться надо: они детей родят ... **Чистое** — все для богатых ... а нам — огрызки, нам — ососочки, нам — заплеванное да захватанное” (143). Противопоставление замужних женщин Олимпиаде мы находим в повести еще не раз: „Ему было приятно: сидит с нам женщина образованная, мужняя жена, а не содержанка, **чистая**, тонкая, настоящая барыня” (176), „На него обратила внимание настоящая женщина — **чистая**, образованная, мужняя жена” (194). Так происходит переосмысление слова **чистый** в качестве определения к женщине, отныне главным признаком будет уже не чистоплотность, а порядочность.

Но связь между чистотой и богатством по-прежнему остается в сознании Ильи. После уже упоминавшегося знакомства с жизнью следователя Илья говорит: „Вон следователь — живет, как конфетка в коробочке ... Он может праведно жить — **чистота** вокруг ...” (142), Слово чистота употреблено главным образом в исходно-номинативном значении, называя обстановку (богатая мебель, картины) и внешность человека (белые чистые руки, аромат духов). Именно эти впечатления породили сравнение „живет, как конфетка в коробочке”. И вместе с тем во фразе „он может праведно жить — чистота вокруг” благодаря ее афористичности в слове чистота явно присутствует переносно-оценочное значение, тем более что это слово характеризует как атмосферу семейного уюта, так и общую обстановку благополучия и довольства в которой протекает жизнь человека. По сути дела субстантивированное прилагательное („**чистое** — все для богатых”) и существительное („**чистота** вокруг”) сливаются в значении. Богатство, довольство и опрятность остаются для Ильи главными признаками „чистой жизни”, поэтому Илья в таких словах оправдывает подружку Олимпиады, вернувшуюся от мужа в публичный дом: „Всякому хочется жить **чисто**, весело ... ей тоже ... А ты ей: я тебя люблю, стало быть, живи со мной и терпи во всем недостаток ... Думаешь, так и следует?” (229). И снова контекстуальный смысл слова вступает в противоречие с общепринятым пониманием словосочетания „жить чисто”.

Судьба приводит Луневу в семью квартального надзирателя Автономова, где он видит воплощение своего идеала. Читателю очевидна вся убогость этого мещанского рая, с пельменями, гитарой и канарейками, но Илья в восторге. И хотя чем дальше, тем чаще „его охватывала непонятная, тяжелая

скука”, он не отказывается от своего идеала. Напротив, в нем растет уважение к Татьяне Автономовой, „умевшей из пустяков устроить чистую и милую жизнь” (184). На паях с Автономовыми Илья открывает лавочку с „чистым галантерейным товаром”, и отныне его жизнь во всех деталях совпадает с давними мечтами. Правда, обнаруживается, что лелеемый идеал — „чистая жизнь” скучна и тосклива, но переворот в уме и душе Ильи происходит не поэтому. С давней мечтой не так-то легко расстаться. К тому же — и думается, что это очень важно — Илья по существу остается за пределами „чистой жизни”, уединенный образ жизни и характер держат его в своеобразной изоляции, как бы в искусственных условиях. Лишь безудержное распутство и цинизм Автономовой, ее страстные рассказы о гнусностях, царящих в городских верхах, отрезвляют Илью: „Целое утро она просвещала Илью, весело рассказывая ему разные истории о том, как женщины обманывают мужей. — Не знал я, что в вашей чистой жизни такие порядки... — Порядки, милый мой, везде одни. Порядки делают люди, а люди все одного хотят — хорошо жить: спокойно, сытно и удобно —” (196 сл.). Приведенный диалог весьма показателен. И тем, что Илья сам признает себя чужаком в этом мире („ваша чистая жизнь”)¹⁰, и признаками этой жизни, перечисленными женщиной („спокойно, сытно и удобно”). Совпадая частично с идеалом Ильи (спокойная — наиболее частое сопутствующее определение „чистой жизни”), идеал Татьяны свободен от духовного начала, признаки „сытно” и „удобно” дают нам понять, что и спокойно понимается ею иначе. Перед нами еще не спор: уверенная в своей правоте, Татьяна просвещает наивного парня. Противоречат друг другу, спорят между собой признаки идеальной жизни, хотя и тут они во многом сближены. А „просвещение” Ильи продолжается: „Каждое утро — она звала Илью к себе — и рассказывала ему разные житейские истории. Все эти истории были как-то особенно просты, как будто они совершались в стране, населенной жуликами обоего пола, все эти жулики ходили голыми, а любимым их удовольствием был свальный грех. — Илья слушал, и жизнь казалась ему чем-то вроде помойной ямы, а которой люди возятся, как черви. — Фу-у! — устало говорил он. — Да чистое-то, настоящее-то есть где-нибудь, скажи? — Какое — настоящее? — удивленно спрашивала женщина. — Я говорю о настоящем... Вот чудак! Не выдумала же я сама все это! — Я — не про то. Ведь где-нибудь, что-нибудь настоящее... чистое есть или нет? Она не понимала его и смеялась”. (198 сл.). Показательно возникшее непонимание. Для Татьяны **настоящее** — „то, что реально существует”, для Ильи — „то, что соответствует идеалу”. Татьяна не связывает *настоящего* с *чистым*, а когда Илья

---

¹⁰ В данном контексте, благодаря отчуждающему определению „ваша” и общему смыслу высказывания, слово **чистый** сближается с актуальным для XIX века значением „присущий привилегированному слою общества” и утрачивает в значительной мере смысловое наполнение, которое Илья вкладывал в него раньше.

настаивает на такой связи, она его попросту не понимает¹¹. В слове *чистый* усиливается значение „нравственно безупречный”, этот семантический признак преобладает над всеми остальными. В таком же значении употребляет Илья это слово и в своем обличающем монологе, адресованном Автономовым и их гостям, а по существу всему „чистому” обществу: „Я вот смотрю на вас, — жрете вы, пьете, обманываете друг друга...никого не любите... чего вам надо? Я — порядочной жизни искал, *чистой*... нигде ее нет! Только сам испортился...” (285).

Таким образом, в несобственно-прямой речи и в репликах Ильи слово *чистый*, выступая определением к слову *жизнь*, меняет свое значение в зависимости от условий контекста. Его семантическая эволюция тесно связана с эволюцией Ильи, отражая его трудный путь поисков идеальной жизни и душевные метания. Благодаря присутствию семантического признака ‘такой, к которому надо стремиться, идеальный’ в слове *чистый* сохраняется положительная эмоциональная окраска. С противоположной эмоциональной окраской это слово выступает в повести, когда в ней звучит только авторский голос: „Она попрежнему все рассказывала ему о жизни людей ее круга, и однажды Илья заметил: — Коли все это ты правду говоришь, Татьяна, то ваша порядочная жизнь ни к чорту не годится! — Почему что? Весело! — сказала Автономова, пожав плечиками. — Велико веселье! Днем одно крохоборство, а ночью — разврат... — Какой ты наивный! — смеясь, воскликнула Татьяна Властьевна. И вновь, расхваливая пред ним *чистую*, мещански приличную, удобную жизнь вскрывала ее жестокость и грязь. „(211 сл). О том, что мы имеем дело непосредственно с авторской речью, говорит, в частности, употребление качественного наречия *мещански* — оно образовано от прилагательного в переносном значении, свойственном книжной речи того времени. Семантическое своеобразие слова *чистый* выражается в том, что производное значение утрачивает зависимость от исходно-номинативного, свойственную ему в общенародном языке, о чем говорит выделение таких признаков „чистой жизни”, как „жестокость” и особенно „грязь”. Последний свидетельствует о том, что в определении чистая [жизнь] появляется признак, антонимичный исходно-номинативному значению. Но „поэтическое значение” (или эстетическое значение¹²) слова *чистый* оказывается очень сложным. Главным семантическим признаком выступает „присущий привилегированным слоям общества”,

¹¹ Подобное непонимание между собеседниками отмечено в драматургии М. Горького, и подробно описано М. Б. Борисовой в книге *Слово в драматургии М. Горького* (Саратов 1970) и ряде статей. Учитывая время написания повести (1900 год), можно предположить, что этот прием, в дальнейшем развитый писателем в драме, впервые был применен им в прозе.

¹² Термин „эстетическое значение” был предложен Б. А. Ляриным в статье *О новизности художественной речи (Семантические этюды)* в 1923 г. Статья опубликована в сборнике *Русская речь* (Петроград 1923). В настоящее время этот термин широко употребляется в работах о художественной речи и лексикологии.

однако включение его в один ряд с качественно-оценочными прилагательными придает ему дополнительные смысловые признаки. Они очень зыбки и с трудом поддаются словесному определению. Они — производное от сложного смысла, вкладываемого Ильей в понятие „чистая жизнь”. Снова перед нами спор по поводу осмысления „чистой жизни”. В нем автор опровергает не столько идеал Автономовой (она никогда не стремилась к чистой жизни и не называет ее так, ее идеал — удобная жизнь), сколько идеал Ильи.

В повести происходит фразеологизация словосочетания „чистая жизнь”, причем этот фразеологизм выступает в двух разных значениях. С одной стороны, „чистая жизнь” — это идеал, к которому стремится Илья, и в таких случаях словосочетание тесно связано с номинативными значениями прилагательного, о чем мы уже говорили, с другой — происходит семантическое обогащение словосочетания „чистая жизнь”, оно получает значение „жизнь привилегированных слоев общества”, причем связь с исходным номинативными значениями либо прерывается („ваша чистая жизнь”), либо происходит как бы антонимизация значений прилагательного (становится возможным включение в „чистую жизнь” такого признака, как „грязь”).

Исследователи уже описывали особый горьковский прием — повторение слова в иных контекстных условиях как способ опровергнуть чужую точку зрения. Чаще всего этот прием использовался в драматургии¹³, но в иной форме он применялся и в прозе. Так в автобиографической трилогии формой спора с дедом было употребление и модификация общеязыковых фразеологизмов „идти в люди”, „выйти в люди”¹⁴. Повесть *Трое* дает пример более раннего употребления этого приема в прозе.

С развитием сюжета, воссоздававшего путь Ильи наверх, слово *чистый* семантически усложняется и все реже употребляется в исходно-номинативных значениях¹⁵. Разочарование в „чистой жизни” влечет за собой переоценку и малых ценностей. Чистоплотный по натуре, Илья тяготился окружавшей его в ранние годы грязью и тем острее ценил чистоту: чистоту тела, чистую одежду, чистое и светлое помещение, свежий воздух, чистоту на улице. Но теперь чистота действует на него угнетающе: „На улице было невесело. Несколько дней кряду шел дождь. Серые *чистенькие* камни скучно смотрели в серое небо, они были похожи на лица людей. Во впадинах между ними лежала грязь, оттеняя собою их холодную чистоту...” (267). Все элементы текста передают

---

¹³ См. об этом, например, в докторской диссертации М. Б. Борисовой *Слово в драматургии* М. Горького (Саратов 1970) и более ранних работах того же автора, опубликованных в различных сборниках Ленинградского и Саратовского университетов в 50 - 60-е годы.

¹⁴ См. об этом Ю. С. Языкова, *Лексические связи слова в контексте художественного произведения*. В сб.: *Исследования по эстетике слова и стилистике художественной литературы*, Ленинград 1964, стр. 81 и сл.

¹⁵ Частично это связано с уже названным изменением в сознании Ильи представления о чистоте, которое все более приобретает признаки этической оценки.

атмосферу уныния. Нарочито повторяющийся эпитет серый и скучно подчеркивают уныние, а холодный явно содержит в себе переносное значение „безразличный”, наряду со значением „вызывающий чувство озноба, холода”. Наконец, суффикс *-еньк-*, имеющий уничижительную окраску, характерную для него в языке М. Горького, лишает прилагательное положительной эмоциональной окраски¹⁶.

Общее разочарование в идеале выражается и в том, что на смену определения *чистая* мы находим иное — *хорошая* [жизнь]: „Потом ощущение одиночества и тоска о *хорошей жизни* снова утопали в равнодушии ко всему —” (257). И только еще один раз, оглядываясь назад и подводя итоги прожитому, Илья вновь вспомнит о „чистой жизни”, но это уже прощание с идеалом.

Такова судьба слова *чистый* в повести М. Горького *Трое*. Мы увидели его семантико-эмоциональную эволюцию, связанную с сюжетом и образом главного героя, и поэтому можно говорить о судьбе слова.

THE SEMANTIC VALUE OF A WORD IN A LITERARY CONTEXT
(the word *чистый* in *The Three* by Maxim Gorky)

by

JULIA YAZNIKOVA

Summary

It is well known that a word in a literary language is conditioned by the system of universal speech, but when a word appears in the separate system of a literary context, it is influenced by this system, in particular, its semantic value is affected. The article examines the semantic evolution of the word *чистый*, which in Maxim Gorky's novel *The Three* is conditioned by the personality of the principal character and by the development of the plot.

---

¹⁶ Связь чистоты со скукой встречается у М. Горького не раз. Ср., например: „Все вокруг блестело холодной нежило чистотой, вызывая мысль о скучной одинокой жизни” (очерк „Н. А. Бугров”, том XV, стр. 219). Об эмоциональной окраске слова *серый* см. в статье Г. А. Лилич, *О слове серый в творчестве М. Горького* (сб. *Словоупотребление и стиль М. Горького*, Ленинград 1962), а также в статье Б. А. Оррас, *Об одном стилистическом приеме А. М. Горького* („Русский язык в школе”, 1959, № 5).